

Семён Ицков

*Если ты
полюбишь Север...*

СЕМЁН ИЦКОВ

*Если ты
полюбишь Север...*

БОСТОН • 2025 • ЧИКАГО

Семён Ицков

Если ты полюбишь Север...

Редактор Юлия Тимошенко

Simon Itskov

If You Fall in Love with the North...

Edited by Yulia Tymoshenko

Copyright © 2025 by Simon Itskov

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-00-0

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book design by Bagriy & Company | Chicago, IL

Cover design by Larisa Studinskaya

Фотографии из архива автора, в также из Википедии и печатных изданий (см. список литературы на стр. 257)

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Если ты полюбишь Север...

В путь	11
Первые шаги	13
Магадан, Магадан	26
История ленд-лиза	30
Новая работа	37
С чего начинался Певек	77
Буковина, взгляд в прошлое	87
Гетто и депортация	106
Астрофизик Козырев и поэт Португалов	111
Полярные станции	117
Валькумей, рудник, как это было	126
Освобождение	135
Норильлаг и его герои	141
Снова история и близкая реальность	147
История Севера и современность	154
Легенда Севера Бенд Волл	163
Американский ленд-лиз	176
Пролив Беринга. Герои Севера	184
Школа для аборигенов	197
Современные реалии	200

Рассказы

Большой белый Умка	235
Художник Рудольф	245

*Особая благодарность
моей жене Раде Ицковой и сыну Леониду Ицкову
за неоценимую помощь в написании
и подготовке книги к печати.*

Если ты
полюбишь Север...

В ПУТЬ

Первое движение человека, поднявшегося по крутому склону на вершину высокой горы, — оглянуться назад, на пройденный путь. Такая же «высотная болезнь» поражает долгожителей, поднявшихся на вершину жизни. По канонам астрологов, перейдя семидесятилетний рубеж, люди начинают жить и действовать под «знаком Кота», у них наступает просветление памяти и возникает неудержимое желание разобраться с прошлым.

С юных лет я, как и многие мои сверстники, увлекался историями о далёких странах и больших опасных путешествиях. Читал взахлёб романы Жюль Верна, Джонатана Свифта, Герберта Уэльса. В послевоенные годы стали выходить большими тиражами книги советских писателей-фантастов Александра Беляева, Ивана Ефремова. Помню, какое восхищение испытал, когда узнал подробности путешествия английского миссионера Давида Ливингстона. Он был первым европейцем, которому удалось пересечь Африканский континент. Ливингстон открыл знаменитую реку Замбези, несколько больших африканских озёр и величественный водопад Виктория. К сожалению, Ливингстону никогда не удалось вернуться на родину. Он умер от малярии в небольшой деревушке в Замбии. Там друзья похоронили его сердце, а мумифицированное тело до сих пор находится в Вестминстерском Аббатстве в Лондоне.

Моя память хранит очень увлекательную книгу Вениамина Каверина «Два капитана». Много лет спустя узнал, что главным героям романа Саше Григорьеву и капитану Татаринovu на родине писателя в городе Пскове стоит памятник со знаменитой фразой романа «Бороться, искать и не сдаваться».

Мне было двадцать четыре года, когда я, молодой врач, сел в самолёт, который должен был лететь по маршруту Москва — Амдерма — Тикси — Чокурдах — Певек. Этот десятичасовой полёт пролегал вдоль северной земли. Говорили, что пассажирам этого рейса невероятно повезло с погодой и столь длинный полет прошёл без задержек. В последующие годы мне не раз приходилось лететь этим маршрутом, но довольно часто случались задержки в пути из-за нелётной погоды. Но в тот — мой первый — полёт наш Ил-18 легко опустился на лёд реки Колымы, вблизи посёлка Нижние Кресты, а недалеко уже стоял следующий транспорт — знаменитый самолёт полярной авиации Ли-2. Под кабиной пилотов я впервые увидел искусно нарисованного полярного белого мишку. Этот самолёт подобрал пассажиров, направляющихся в Певек на Чукотку. Ли-2 летел на сравнительно небольшой высоте. Был октябрь месяц, наступали сумерки, но в иллюминатор хорошо была видна покрытая снегом безлесая тундра, скованные льдом многочисленные озёра, а на далёком горизонте — вереницы Чукотских гор. Конечной остановкой моего путешествия был Певек, вернее, его аэропорт Апапельгино.

Что я тогда знал о Певеке? Прочитал, что это самый северный большой посёлок городского типа на берегу Восточно-Сибирского моря. Далёкая окраина страны. Посёлок был основан в 1933 году, а его порт через несколько лет стал важным арктическим портом на Северном морском пути. Однако ещё много лет Певека не было на географических картах страны.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

От аэропорта к Певеку вела узкая снежная дорога. По обочинам дороги простиралась, местами покрытая снегом, тундра. На её поверхности отчётливо виднелись примятые глубокие борозды автомобильного транспорта. Как я узнал позже, это были следы тяжёлых вездеходов, которые травмируют нежную девственную растительность северной тундры. Для заживления этих «травм» природе необходимо не менее двадцати — двадцати пяти лет. Бросались также в глаза разбросанные в тундре различные металлические предметы, такие как ржавые бочки, какие-то балки и многое другое. Снег белым покровом беспредельно устилал материк и море, они местами незаметно сливались, так что трудно было отличить их друг от друга. На горизонте этой странной белой равнины виднелись вереницы Чукотских гор, а справа кое-где угадывалась узкая полоска берега Восточно-Сибирского моря.

Мои первые впечатления от увиденного были яркими и необычными. Я знал, что прибыл на край земли, далеко ещё необжитой и по-своему таинственной. Посёлок Певек располагался на пологом склоне серой каменистой сопки и опускался на широкую прибрежную галечную косу холодного Восточно-Сибирского моря. У въезда светилась яркими огнями и дымила Чаунская теплоэлектростанция, а вдалеке, на противоположной окраине посёлка, угадывались силуэты портовых кранов. Это был знаменитый северный арктический порт страны Певек. Сравнительно далеко, несмотря на надвигающиеся сумерки в бухте Чаунской губы, мне показали приземистые острова — Большой Раутан и Малый Раутан.

Помню, мой попутчик Николай много и охотно рассказывал о Севере. Себя он считал старожилом. Живёт с семь-

ей и работает шахтёром на руднике Валькумей, что в тринадцати километрах от Певека. На руднике добывают оловянную руду — касситерит — шахтным способом на глубине до семисот метров, имеется также большая обогатительная фабрика, профилакторий для шахтёров, санбыткомбинат.

Интересно было узнать, что приезжие на Север горняки часто оказывались земляками, а в некоторых случаях даже близкими родственниками. Они приехали на Север из горняцких городков Донбасса, таких как Кадиевка, Брянка.

В посёлке есть средняя школа, два детских сада, небольшая больница и поликлиника, почта и несколько магазинов. На случай производственных аварий на руднике организована Военизированная горноспасательная часть (ВГСЧ). В летнее время, когда в этот край приходит тепло и наступает короткое полярное лето, многие жители посёлка в выходные дни спускаются к морю и увлечённо занимаются рыбалкой.

Но больше всего меня впечатлили слова моего нового знакомого, когда я впервые услышал о том, что Север необъяснимо объединяет и притягивает людей. Так удивительно было слышать о том, что даже дети, уезжая в многомесячный отпуск с родителями на юг, спустя короткое время начинают тосковать и с нетерпением ждут возвращения домой на Север. Мои наблюдения в скором времени подтвердили эти рассказы. Мне вспоминались очень популярные в те семидесятые годы песни советских бардов, таких как Городницкий, Клячкин, Кукин и, конечно, Владимир Высоцкий. У многих на слуху в то время была красивая песня в исполнении Кола Бельды «Увезу тебя я в тундру». А как замечательно звучал куплет: «Если ты полюбишь север, не разлюбишь никогда...» Очень правильные слова. Все эти песни так глубоко и душевно воспевали покорителей неизведанных троп, первопроходцев высоких заполярных широт — геологов, энтузиастов, покорителей тайги и тундры Сибири, Крайнего Севера! Песни искренне подкупали советскую молодёжь своей романтикой и страстью новых открытий, бродяжничества, учили любви, взаимовыручке и преданной бескорыстной дружбе людей.

Что же всё-таки влечёт на Чукотку? Что даёт силы патриотам этого края бороться и преодолевать трудности?

Вряд ли найдётся человек, который не мечтал бы стать первооткрывателем, пролагателем нехоженых троп. О Чукотке писали и пишут: «нетронутая дикая земля», «край света», «ледяная пустыня», «край белого безмолвия». А ты пришёл сюда, проник в её тайны. Здесь в суровых трудовых буднях проверяется каждый человек, его жизнестойкость и характер, его деловые качества и отношение к людям, его умение быть настоящим Человеком. И, пожалуй, нет крепче дружбы, чем та, что рождается здесь, на суровых арктических просторах, в странствиях по тундре, бесчисленных опасностях, которые подстерегают на каждом шагу. Таков мой ответ.

Спустя несколько дней после приезда я стал работать врачом в Чаунской районной больнице. Всё, с чем я сталкивался поначалу, было новым и непривычным. Новый городок, его необычные постройки-бараки, дощатые, возвышающиеся над землёй тротуары-короба. Это были невероятно важные отопительные теплотрассы.

Сама больница, в которой я начал работать, представляла из себя группу одноэтажных деревянных строений, вросших в прибрежную галечную косу уже замёрзшего Восточно-Сибирского моря. Как мне рассказали впослед-

ствии, все эти здания являлись в прошлом тюремными бараками, а в двухэтажном здании теперешней районной поликлиники находилась администрация и охрана лагеря. Несколько врачей и медицинских сестёр являлись ветеранами Севера, они проработали не один десяток лет в этих местах. Они хорошо знали и помнили зловещую систему Дальстроя, а по существу — всесильную и карающую руку НКВД. Это были люди, которые заслуживали, в моём понимании, глубокого уважения.

Районная больница на сто пятнадцать лечебных коек имела все необходимые службы, включая родильное и гинекологическое, детское отделение, хирургический блок, приёмный покой, отделение скорой помощи и другие подразделения. Я познакомился с опытными врачами, специалистами и другими медиками. Их советы, опыт и знания были для меня всегда надёжной поддержкой в работе. Этот больничный комплекс оказывал медицинскую помощь людям на огромной территории района.

Меня всегда интересовал вопрос, как всё начиналось. Вот, что мне рассказали о больнице.

В самом начале это была не больница в привычном смысле. Один барак, щели в стенах, через которые зимой сыпал снег. Печь-буржуйка стояла в углу, деревянные нары вместо койко-мест. Одеяд не было. На каждого больного — один тёплый платок, и тот драли пополам — всем не хватало. Бинтов было мало, а обморожений — много. Бинты и вату стирали и сушили на верёвках. Хирург работал в валенках и телогрейке. Оперировали под лампой-керосинкой. Когда заканчивался керосин — резали наощупь.

Иногда к нам в палату заходил охранник и приносил банку сгущёнки. Просто молча ставил на стол и уходил. Врачом работала Бася Борисовна Городецкая — спокойная, мудрая, с усталыми глазами, в которых вся Арктика. Она часто говорила: «Молчите, дышите, живите».

В один год цинга косила всех подряд. Чтобы как-то помочь, больных кормили травой, шишками, отваром хвои. Иногда удавалось достать лимоны — весь Певек молился на них. Умерших в больнице заворачивали в брезент и выносили за больницу. Молчаливо. Без слёз. Там люди не плакали — плачь превращался в лёд.

Хочу ещё вспомнить рассказы о письмах. Они потрясли меня. Вот что мне рассказала пожилая медицинская сестра.

Письмо с «материка» на севере в те времена было дороже сахара. Дороже курева. Дороже бутылки спиртного. Дороже жизни. Мы ждали письма, как ждут парохода, солнца, лета и тепла. Почта приходила редко, иногда один раз в месяц, иногда — в два. Привозил её пожилой чукча на собачьих нартах, в кухлянке, в торбазах и в пышном малахае на голове. Его звали Евур, и он всегда расплывался в широкой улыбке, когда вручал счастливчику письмо. Мы знали и видели его издалека: идёт с мешком — будет письмо, без мешка — ничего нет.

В бараках все знали друг друга: кому пришло, кому нет. Если тебе ничего — сочувственно кивали, молча, как на похоронах. А если получил — ты будто воскрес. Читал сначала под одеялом, потом всем вслух. Потом снова. И ещё. До дыр. До слёз.

Однажды пришло письмо от матери. Она писала: «Доченька, береги себя. Пришла весна. Готовимся к огороду. Кошка Мицца скоро опять нарождает котят. У нас в саду зацвёл шиповник, потеплело. Папа всё ещё подтапливает дом. Вот соседка Дарья принесла крынку молока, ещё тёплое. Очень скучаем, ждём тебя домой. Крепко целуем тебя, родная». Я плакала два дня. Молча. В углу. Потому что в Певеке нет шиповника, нет молока. Не было весны и тепла, был только клочок бумаги из дома, пропитанный его теплом.

Мне рассказывали, что письмо меняли на хлеб. Грузчики отдавали сигареты. Врачи — бинты. Потому что письмо оттуда было жизнью. Один старик в нашем бараке читал письмо наизусть, даже когда бумага истлела. Говорил: «Когда я читаю — я там. Я с ней. А тут только ветер и холод...»

Вспомнил рассказ человека, который освободился и работал в гидрометеоцентре Певека. Он сумел сохранить письмо от матери в рукаве арестантского бушлата на протяжении четырёх с лишним лет. «Я храню это письмо до сих пор и обязательно в конверте. Я всегда возвращался к этому письму, когда хотел услышать её голос. Но есть что-то в том, чтобы вытащить его из конверта. Это как приглашение к общению, к разговору».

Так сложилось, что отдалённость этого края от центра воспитывала в людях стойкую самостоятельность, твёрдую веру в собственные силы и личный опыт. Эти важные качества отличали очень многих людей, с которыми я начал общаться на Севере. Областной город Магадан был далеко, в 1600 километров. А связь с ним осуществлялась только по радиотелефону. Это я пишу потому, что были случаи

в практике, когда необходима была консультация или совет из Магадана.

На льду бухты, рядом с детским отделением больницы, мне показали взлётно-посадочную полосу для санитарной авиации. Авиарейсы в зимнее время осуществлялись на самолётах Ан-2 на лыжах. Летом неподалёку была приспособленная площадка для вертолёта. Мне рассказали, что ежегодно весной, обычно в середине марта, бригада врачей вылетает в далёкие стойбища для осмотра хронических больных, проведения профилактических осмотров, забора лабораторных анализов.

По численности населения посёлок Певек мог сравниться только с Анадырем — столицей Чукотского национального округа (десять-пятнадцать тысяч). Знакомясь с коллегами по работе, моими соседями по дому, я и сам вскоре убедился, что приехавшие сюда люди из разных уголков Союза живут дружно, и это, несомненно, результат воздействия сурового климата и непростых условий жизни и работы.

Лишь спустя много лет, вспоминая новую, такую необычную жизнь — людей, годы и события, я осознал, что мне тогда невероятно повезло. Я увидел, что приехал на далёкий Крайний Север к самому развороту дел.

В 1967 году Певеку был присвоен титул города. На моих глазах этот огромный, холодный малообжитый край начал жить новой интересной и плодотворной жизнью. Северу нужны были люди, много людей. И тем не менее, каждый приезжий проверялся на прочность, совместимость с жизнью в суровом полярном климате. Конечно, этот экзамен выдерживали не все. Месяцы, прожитые в тех суровых местах, считаются годами, как и велик человеческий опыт и знания, приобретённые там.

Эти факты признавало государство, увеличивая оклады работающим северянам, умножая полярные льготы, повышая северные коэффициенты. В этом крае надежд, а стало быть, стране слухов, догадок, разного рода предположений, — любое местное сообщение и событие обрастало легендой намного раньше, чем о нём можно было услышать официально по радио или прочитать в районной газете «Полярная звезда» или в областной «Магаданской

правде». Речь, конечно, шла об открытии геологами нового месторождения драгметалла или закладки нового рабочего посёлка, шахты или рудника. В Певеке уже много лет работало Чаунское районное геологоразведочное управление (РАЙГРУ) — большая группа геологов на постоянной основе, которых по праву можно было назвать первопроходцами этой северной земли. С ранней весны до первых зимних холодов в самых отдалённых местах земли работали поисковики — геологические партии. На моих глазах город постепенно менял свой облик. Исчезали многочисленные одноэтажные серые бывшие тюремные бараки, был построен современный кинотеатр, пятиэтажная гостиница, была оборудована хоккейная площадка, наметилось строительство плотины с пресной водой. Началось строительство многоэтажных блочных домов, певекчане стали переселяться в благоустроенные квартиры.

Значительно улучшилось снабжение города и посёлков товарами и продуктами. Стали исчезать с полок магазинов такие привычные для каждого северянина круги сухого картофеля, сухого лука, банки сухого порошкового молока и многое другое. Взамен появились в продаже свежие овощи и фрукты. Рассказывали, что в самые короткие сроки произвели реконструкцию аэропорта Апапельгино, но главное — построили современную взлётно-посадочную полосу, что позволило осуществлять прямые пассажирские

и грузовые рейсы современных авиалайнеров из Москвы, Хабаровска, Владивостока и Магадана. Благодаря этому, как поговаривали северяне, материк стал намного ближе к Северу.

В течение многих лет одним из неизменных подарков возвращающихся отпускников домой на Север были цитрусовые — апельсины, мандарины женщинам и детям, а мужчинам — бутылки жигулёвского пива. Городской пищекомбинат, наряду с выпуском разного рода пищевых полуфабрикатов, вскоре стал производить очень качественное пиво. Вначале казалось чудом, когда горожане впервые увидели на окраине города пасущихся летом в тундре молочных коров. Их доставил пароход из очередного морского каравана. А в моргородке рядом с Певеком вскоре построили молочную ферму. Появилось в продаже свежее молоко. Вслед за этим открылись детские молочные кухни в Певеке и на Валькумее.

Самое время упомянуть особо значимое событие Севера — открытие сезона арктической навигации и приход в порт Певека первого каравана морских грузовых судов, ведомых легендарными ледоколами.

Протяжённость трассы Северного морского пути составляет более шести тысяч километров. Она проходит вдоль семи полярных морей страны. Как известно, первым Северный морской путь преодолел норвежский исследователь Норшельд на пароходе «Вега» в 1878–79 годах. Но если Норшельду потребовалось на его преодоление почти два года, то «Сибиряков» прошёл из Архангельска до чистой воды в Беринговом проливе за рекордные два месяца и пять дней.

Встреча первого каравана морских судов — многолетний традиционный городской праздник. Не только потому, что даже

для современных судов пройти многомильный Северный морской путь дело далеко не простое, но ещё и потому, что первые корабли доставляет в Арктику очень важный, так называемый генеральный груз. А это всегда самое-самое необходимое: различная горная и приисковая техника, машины, шахтное оборудование, тракторы, бульдозеры, дизельное топливо, уголь, продукты питания, консервы и многое другое. Конечно, это особое событие, как и многое другое, на Севере часто зависело от погоды. Но в среднем в этих высоких широтах морская навигация продолжается с середины июня по конец августа — начало сентября. Предвестниками приближающегося каравана кораблей являются сообщения местного радио, а также часто появляющиеся в небе самолёты полярной ледовой разведки. Моряков, как героев, в порту встречают цветами, звучат приветственные речи, играет духовой оркестр. Начало арктической навигации по времени обычно совпадает с долгожданным приходом северного полярного лета.

Как известно, климат Чукотки более суров, чем на Аляске. В зимнее время в западных континентальных районах температура воздуха нередко опускается до рекордных минус шестидесяти градусов Цельсия. Человек в Заполярье вынужден спокойно покоряться прихотям погоды, постоянному чередованию метелей и холодов. В восточных областях зимой свирепствуют сильные ветры, а снежная пурга

может продолжаться несколько суток. Но особенно примечательно, что погода на Чукотке резко меняется в течение короткого промежутка времени, даже одного дня. Так, например, сильный мороз и холодный ветер может внезапно смениться сырой, умеренно тёплой погодой и порывистым ветром, который в Певеке называют «южаком». Такой ветер нередко достигает скорости 35–40 метров в секунду и довольно часто превращается в продолжительную снежную пургу. В результате этого резко снижается видимость на дорогах, останавливается транспорт, закрываются школы и детские учреждения. Люди опасаются выходить из дома, и жизнь в населённых пунктах в такую непогоду временно замирает.

Довелось мне как-то страшную пургу испытать. Шёл с работы домой в верхний посёлок Валькумея. Скорость ветра была до сорока метров в секунду. На лице — тёплый шарф, на глазах — мотоциклетные очки (очень удобные в пургу). Сильные порывы ветра сносят с дороги, если не за что держаться. Такая пурга уплотняет снег до такой степени, что ходишь по нему не проваливаясь, как по асфальту. А пространство после пурги приобретает странное состояние однообразия, появляется над поверхностью земли лёгкая снежная дымка, когда невозможно определить расстояние, если взглядываешься в даль. Кажется, Джек Лондон называл это явление «белым безмолвием».

Летом температура воздуха самого жаркого июля на Чукотке колеблется от плюс четырёх до плюс пятнадцати градусов Цельсия. Находились отчаянные смельчаки, которые отваживались купаться в море на мелководье, где, по их рассказам, вода несколько прогревается. Обычно в мае над снежными равнинами появляется густой туман — хорошая примета, предвещающая дружное таяние снеговых масс. Полярное лето приходит без стука — вдруг, словно кто-то щёлкнул выключателем; ночь исчезает, и над тундрой властвует круглосуточный день.

Север учит беречь момент. Лето — как короткое дежурство перед бесконечной зимой. Но в нём столько света, столько жизни, что одного такого лета может хватить на долгие годы. Бледный диск солнца постепенно становится ярче и описывает на небосклоне всё более длинные кри-

вые. Солнце всегда над головой. Тундра оживает буквально на глазах. За пару недель из сырой, промозглой, насквозь выстуженной земли она становится живой: мягкий мох, редкие, но яркие цветы, пыльца в воздухе. Тундра цветёт. Да-да цветёт — цветы, по-своему строго маленькие, будто нарисованные детской рукой — розовые, жёлтые, синие, растут между валунами, рядом с опадающим бурым снегом. И они шевелятся от ветра, словно здороваются. Мелочь, а сердце почему-то сжимается — от этого упорства жизни, от её молчаливой стойкости.

Вечером можно выйти к морю. Постоять на берегу. Послушать воду. Прислушаться к ветру. Ведь у чукчей это древний ритуал — они слушают ветер, они с ним разговаривают, он им что-то говорит. Для них он живое существо, дух природы. В такие минуты приходит странное ощущение — будто ты стоишь на краю Времени. Всё дышит, всё движется, но не спешит.

Другой не менее знаменательный признак наступившего лета — появление больших стай белых северных куропаток, разнообразных озёрных уток, полярных гусей и грациозных журавлей-смерхов. Птичья разноголосица слышна на большие расстояния. Вот тогда говорят «тундра звенит, а северная тишина уходит». И хотя в конце июня и в июле уже в разгаре настоящее полярное лето и круглосуточно светит над головой яркое полярное солнце, тем не менее, в любую минуту также может подуть холодный ветер и пойти снег. Однако наступившее долгожданное летнее тепло, так или иначе, пробуждает замёрзшую холодную землю полярной тундры, быстро растапливает лёд на её многочисленных мелких реках и озёрах. К этому времени пернатые пришельцы паруются и обустроивают свои гнездовья. В земле уже вовсю копошатся юркие северные суслики-лемминги. Их тут называют евражки.

Все спешат. На карликовых кустарниках тундры очень быстро созревают вкусные и полезные северные ягоды — морошка, клюква, шикша и голубика. Появляются, на удивление недавно приехавшим новичкам, в изобилии грибы, хорошо знакомые всем: белые, подосиновики, подберёзовики, опята, лисички. Собирать их довольно легко, ведь им негде спрятаться в скромном карликовом лесу чукотской

тундры. А старые грибы просто усыхают на корню, но остаются вполне пригодными для еды.

В отличие от молчаливой белой снежной тундры зимой, летом она громко звенит от многоголосого пения птиц, журчания мелководных рек и многочисленных ручьёв. Лето на Севере не зовёт, оно приходит само, и если повезёт, ты становишься частью этого великого хрупкого покоя.

Полярное лето на Севере — это тепло, это для всех радость, надежда и жизнь. В самые тёмные зимние дни я вспоминал эти солнечные ночи и будто чувствовал девственный запах тундры, журчащие звуки ручьёв, голоса гусей в небе. Перелистывая иллюстрации памяти, ясно осознаёшь, что северное полярное лето — это огромный неоценимый дар, своего рода щедрая награда природы сурового Крайнего Севера его обитателям: людям, животным, птицам и, конечно, такой хрупкой и нежной растительности полярной тундры.

Есть на земле места, где ты как бы растворяешься в местных просторах и ветрах. Это редкое, необычное чувство посещало меня часто там, на Севере, когда в разное время года я выходил за пределы посёлка в тундру. Просторы её поражают: летом тундра голая, плоская, берега её многочисленных озёр и мелких рек покрыты только низкорослым кустарником. На отмелях мелких речушек блестят на солнце гладкие верхушки серых валунов. В другое время, зимой, это уже белая снежная пустыня, ещё более гладкая и бесконечная. Идёшь по тундре, и невольно напрашивается мысль, что ты двигаешься по девственной земле, где, быть может, никогда не ступала нога человека, или больше — становишься птицей, которая сверху видит всю тщету земных дел, а ты пристально вглядываешься в высокий береговой скальный разлом над холодным морем, в котором пластами нагромождались давно прошедшие эпохи, в котором любой человек, даже далёкий от археологии, может найти следы седой старины: охотничий гарпун, костяной наконечник стрелы, удивительный наскальный рисунок, оставленный когда-то жившим здесь, на побережье, древним человеком, или предметы быта давно ушедших людей. А на каменистом или песчаном берегу холодного моря можно внезапно встретить ветхие, безымянные

памятники морякам и путешественникам, которые некогда тут прошли или проплыли. Какими ветрами их занесло сюда, на этот край далёкой Ойкумены, где огромная тундра падает ниц перед могучим Северным Ледовитым океаном? Лавина чувств и вопросов обрушивается на тебя, когда ступаешь по этой земле и вглядываешься в её дали. И не факт, что местные жители, одетые в оленьи шкуры, смогут удовлетворить твоё любопытство.

МАГАДАН, МАГАДАН...

После нескольких месяцев работы в райбольнице меня направили на курсы специализации по инфекционным болезням в город Магадан. Должен признаться, что, попав на Север, мне, как молодому специалисту, не пришлось выбирать медицинскую специальность. Уезжала на материк врач — районный инфекционист, которая проработала в Певеке более восемнадцати лет, и это рядовое обстоятельство определило мою будущую медицинскую судьбу — я должен был стать врачом-инфекционистом.

С первых дней приезда на курсы специализации врачей-инфекционистов в Магадан я увидел очень своеобразный большой город, раскинувшийся на берегу Охотского моря. Нижняя окраина города спускалась полого к бухте Нагаева. Там располагался печально известный порт Нагаево — ворота колымского тюремно-лагерного ГУЛАГа.

Я знал в то время не так уж много о трагической истории этого города, но моя память сравнительно быстро обогатилась реальными городскими картинками. В Магадане я впервые столкнулся с мрачной, как бы повседневной стороной жизни дальнего Колымского Севера. Город активно открыто возводился руками заключённых — подконвойной рабочей силой. Огромные строительные площадки города первым делом ограждались высокими заборами из колючей проволоки, и эти картины бросались в глаза на каждом шагу. Автобусов, по-видимому, было недостаточно, поэтому заключённых на эти стройки привозили в открытых кузовах больших автомобилей в сопровождении вооружённой охраны.

Рядом с областной больницей организовывалась большая стройка. Всё, что делалось на ней, можно было наблю-

дать из окон детского отделения, которое находилось на третьем этаже. Каждое утро на стройку привозили заключённых в серых робах. За проволочным периметром котлована располагалась охрана. Помню, в один из редких погожих дней по пути в областную больницу я остановился на центральной улице рядом с незнакомым пожилым человеком, который, как бы вторя своим мыслям, показал мне заброшенный участок земли, на котором работал бульдозер.

— На этом месте, — произнёс он, — много лет стоял знаменитый «Дом Васькова» — известная деревянная городская тюрьма, которая была одним из первых крайне необходимых магаданских строений. Она была сооружена из тяжёлых, плохо обструганных лиственничных брёвен. Это был длинный приземистый барак с земляным полом. Двойные голые нары. Печи-полубочки на длинных железных ногах — ржавые и закопчённые, как немой свидетель зимних холодов. Ряды колючки, и, как всегда, их десять. Вооружённая охрана с собаками. Когда в бараке не хватало людских мест, ставили рядом на территории одну-две брезентовые палатки. Но везде внутри запах грязного тела, человеческого пота и лизола.

Позже, вспоминая эту нечаянную встречу, я не раз сожалел, что не решился ближе познакомиться с этим случайным городским прохожим.

Моя учёба в Магадане продолжалась около трёх месяцев. Впоследствии не раз вспоминал с благодарностью моих магаданских наставников — специалистов-врачей, организаторов здравоохранения, их опыт и наставления, когда, возвратившись домой в Певек, нередко одному приходилось решать непростые врачебные задачи. Многие из этих людей прожили на Колыме уже десятки лет и хорошо помнили мрачное прошлое этого края. Вспоминая их, я стал понимать, что и там, на Колыме, живут особые люди — стойкие и доброжелательные.

Совсем недавно прочитал интересные слова Михаила Жванецкого, побывавшего в Магадане с концертами в 80-е годы. Он утверждал, что Магадан — город потомственной интеллигенции России. Он вопрошал со сцены: «Где сейчас находится русское дворянство? На кладбище. Ещё вариант — либо в Питере, либо Париже, либо в Магадане. Я, ко-

гда приезжаю в Магадан, восхищаюсь местной публикой. Редчайшая, изумительная! Только там могла сохраниться хотя бы часть нашего дворянства».

Магадан... Когда-то там было много плавунов-деревьев, которые выбрасывало море. А по-якутски это явление — «могодан».

В моей памяти о городе Магадане осталась ещё одна необычная и странная картина: громадное множество мелких одноэтажных серых, казалось бы, наспех хаотично построенных домов на берегу залива Охотского моря и бухты Нагаева. Местные жители называли этот район города «Магаданский Шанхай». Запомнилось также в центре Магадана на площади новое двухэтажное здание Дворца Обкома профсоюзов, в котором имела неплохая библиотека, а также красивая оранжерея, где созревали живые ароматные лимоны. Это место часто притягивало озябших прохожих своим теплом и уютом. Припоминаю также здание городского драматического театра имени Горького, построенное в стиле советского модернизма. Узнал, что торжественное открытие театра произошло в октябре 1941 года. В этом театре работали в разное время ранее репрессированные известные артисты Л. Долгорукий, Георгий Жжонов, Вадим Козин и многие другие. Наверное, в стране не было человека, который хотя бы один раз слышал голос и столь любимшейся мотив в исполнении Вадима Козина:

Веселья час и боль разлуки,
Готов делить с тобой всегда.
Давай пожмём друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года!

Вадим Козин совместно с режиссёром Леонидом Варпаховским поставил единственную в истории музыкально-драматического театра далёкого Магадана оперу Верди «Травиата». В начале тридцатых годов Козин был всенародным любимцем советских людей. По воспоминаниям современников, за грампластинками Вадима Козина всегда выстраивались огромные очереди. Его проникновенно красивый голос звучал много лет в городских и сельских домах по всей стране. Во время войны певец выступал в госпи-

талях и на фронте перед солдатами, которые готовились к боям. К сожалению, в конце 1944 года Козин был арестован и осуждён Особым совещанием при НКВД на длительный срок. Он был сослан и десятилетний срок отбывал на Колыме. Однако там его спас певческий талант. Знаю, что, выйдя на волю, до конца жизни он продолжал жить в Магадане, оставаясь много лет достопримечательностью города, человеком-легендой.

В первые послевоенные годы на сцене Магаданского театра выступал также руководитель всемирно известного джаз-оркестра А. И. Эдди Рознер, который восемь лет провёл в лагерях ГУЛАГа. В далёком 1945 году в спектакле «У стен Ленинграда» режиссёра В. Вишневского в главной роли дебютировал актёр Георгий Жжонов.

Как известно, во время Второй мировой войны Советский Союз получал помощь от США по договору о ленд-лизе. К этой теме я вернусь ещё и расскажу о героической странице легендарной воздушной трассы Алсиб («Аляска — Сибирь»).

БОЛЬШОЙ БЕЛЫЙ УМКА

Редкий снег падал на холодную тундру. Он быстро смешивался с пожухлой полярной травой, постепенно накапливался у подножия низкорослых кустов. Снег был сухим, поэтому ветер легко гнал его, оголяя плоские пятна зимней холодной земли, кое-где покрытые нетронутым ягелем.

Охотник Вулькинэ медленно шёл, глядя в землю. Он внимательно изучал кустики зелёного ягеля, хорошо зная, что ягель растёт, точно дерево. Даже когда ему десять лет, он ещё маленький. А вот когда тундра примята гусеницами тяжёлых железных вездеходов, то эти жестокие отметины сохраняются пятнадцать-двадцать и более лет. Очень плохо, что их с каждым годом становится всё больше и больше.

Вот вдалеке бродит одинокий дикий олень, спотыкаясь на кочках, обходит не спеша ржавые, плоские, как блин, тундровые озёра. К этим одиноким животным очень трудно близко подойти, но есть уловка, которая в ходу у аборигенов: с помощью ружейного ствола и пальцев можно изобразить подобие рогов и приблизиться на достаточное расстояние, чтобы стрелять наверняка.

Откуда-то издалека доносятся отчаянные вопли гагар. В весенней тундре кое-где попадались проталины. И хотя их было не так много, но в них уже обитают полярные воробьи. Они находят пищу в тальниках, в долинах мелких рек, в следах прошедших по тундре оленей.

После зимней спячки пробудились и суслики-евражки. Издалека они как-то напоминают бегущих людей и кажутся большими. Неторопливо освещает горизонт пролива Лонга спрятанное за ним чукотское солнце, которое вот-вот готово высветить миру свой яркий краешек. Не переставая, всё

ещё вскрикивают на озёрах птицы, а со стороны моря идёт громкий гул.

Мысли Вулькинэ остаться на берегу моря возвращаются в недавно покинутое родное стойбище. А ведь ещё недавно старики гадали на оленьей лопатке, чтобы узнать, где растёт хороший ягель, куда направить стадо оленей. Старики держали оленью лопатку над костром, чтобы большая трещина показала, куда надо двигаться. Его родной брат Ярак два дня назад так убедительно рассказывал о новых равнинных местах, где он недавно побывал в поисках хороших пастбищ, куда ещё, как он понял, не заходили оленеводы, где много сочного ягеля и чистых озёр. Правда, путь к этим местам пролегал через глубокую долину и длинный распадок со множеством наледей. Решение Вулькинэ остаться, как и в прошлом году, на этой каменистой кромке берега холодного, ещё замёрзшего моря созрело давно. Ему и раньше по нутру были такие отлучки. В родном стойбище пастухов-оленеводов он был один из немногих мужчин, которые с наступлением весны отправляются на охоту к морю, где можно добыть несколько тюленей или нерп и обеспечить людей питательным жиром, а светильники в ярангах и их пологах — теплом и светом.

Ещё вчера утром он долго провожал взглядом уходящее вглубь тундры стадо оленей, следующие за ним нарты с упакованными ярангами, сидящими на них детьми и женщинами. Каюры всегда привязывают одну нарту к другой и едут гуськом.

Ещё долго над стадом, сгрудившимся в долине, поднималось облако пара. А сегодня над снежными равнинами плывал густой туман — хорошая примета, предвещавшая дружное таяние снегов.

Подойдя к краю невысокого обрыва, Вулькинэ быстро присмотрел удобное для укрытия место, откуда можно было видеть кромку ледяного припая и нагромождение морских торосов. Не сейчас, а позже, когда начинается подвижка льдов, применяются испытанные приёмы охоты на тюленей. Так морские охотники, уже подойдя к берегу, определяли по отражению на небе, как в зеркале, величину полыньи и расстояние до неё. Только большие полыньи, напоминающие крупные озёра с ледовыми берегами,

очень неудобны для охоты — трудно достать из воды убитого зверя.

Вулькинэ выбрал для стоянки на краю невысокого берега маленькую низину, поставил небольшую палатку, постелив на землю тёплую оленью шкуру. Стало постепенно темнеть. Закончив работу, он не спеша выкурил трубку и забрался в тёплый спальный мешок — кукуль. Стояла тихая, хорошая погода. На небе ярко светила молодая луна. В дальней стороне, где высились горные хребты, небосвод был усеян звёздами. Изредка одна из них падала, прочертив небо, и мгновенно исчезала. Как обычно, в это время перед сном яркие картины его детства, молодости и уже взрослой жизни вереницей будоражили память. Совсем недавно было время, когда олени приносили хороший приплод, не так часто болели, да и, кажется, гнуса и мошкары тогда было намного меньше. Правда, когда мошкара начинала сильно донимать людей и оленей, приходилось пригонять стадо ближе к морю, где всегда дул ветер. Там люди и олени просто отдыхали. Однако на морском берегу ягеля совсем мало, и оленей опять тянет вглубь тундры за кормом.

Кажется, что «копытка» не так беспокоила оленей раньше. Очень в этом помогали зоотехники. Они умели быстро распознать болезнь и хорошо лечить животных. Однако, вспоминал Вулькинэ, это доверие к белолицым у тундровиков появилось не так быстро. «Зачем таньги — белолицые — будут приходить к оленям?» — спрашивали старики. Болезни — это духи. Где-то им тоже надо жить, без болезни человек не может жить, без болезней не может жить и олень. А сейчас всё больше и больше появляется больных оленей, которые начинают быстро уставать на ногах. Они не успевают и отстают от стада. За ними уследить трудно, и многие становятся добычей волков и росомах. Часто таких больных хромых оленей приходится забивать, а это уже всегда большие потери. Сейчас все оленеводы стараются избегают длинных и частых переходов оленьего стада по каменистым горным распадкам и ущельям, где за зиму накапливается много наледей и всегда растёт колючий кустарник. Да и зоотехники навешают стойбища всё реже и реже. Всегда жалуются, что стало плохо с транспортом: то нет попутных вертолётов, то нельзя найти каюров, готовых отправиться

в далёкую тундру. Но и пастухов уже становится большой недостаток.

Молодёжь не хочет после школы возвращаться домой в тундру, всё больше старается остаться в посёлках или в городе. Так мой младший сын Сашка закончил школу, выучился в Анадыре на киномеханика и показывает людям кино. Работа хорошая и интересная. Только многие люди смеются над ним и называют его киномошейником. Это, наверное, потому, что в его аппарате часто рвётся кинолента, а людям такое не нравится.

Думая обо всём этом, Вулькинэ крепко заснул, хотя пастухи привычны не спать по двое-трое суток.

На следующий день охотник проснулся, разбуженный пушечным грохотом, идущим со стороны моря. Слепительный голубой лёд уже был рассечён глубокими трещинами, хотя ледяной горизонт, как и вчера, сливался с однообразно низким серым небом. Вулькинэ выполз из своего укрытия, сбросил кухлянку и внимательно осмотрелся. Коричневый, черноволосый с лёгкой сединой в короткой бороде, он не чувствовал холода. Вскоре он заметил несколько мест в море между торосами, где могут быть нерпичьи лунки. Вулькинэ с детства глубоко усвоил верования людей своего племени о том, что души убитых для пропитания животных уходят, как и всё живое на земле, к верхним мирам. Они, эти души, обязательно возвращаются на землю. Так и нерпы и другие морские тюлени, возвратившись обратно в море, в течение следующей долгой полярной ночи согревают своим дыханием открытую лунку воды во льду и ждут наступления весны. Когда же солнце выходит из-за горизонта и становится тепло, нерпы своими острыми лапами расширяют отверстие в лунке и вылезают на лёд. Они могут так подолгу лежать и греться на солнце, нередко впадая в глубокую дрему. И это тот самый удобный момент, когда можно неслышно подкрасться поближе к зверю. Правда, тут ещё обязательно нужен меткий выстрел в голову, иначе раненый зверь последними усилиями может ускользнуть и уйти под лёд.

Охотник знал, что через несколько дней дальний ледяной горизонт озарится ярким солнечным светом. До настоящей подвижки морского льда остаётся две-три недели,

и сейчас самое удобное время для охоты. Ветра всё ещё не было, но его чуткое ухо вдруг уловило далёкий шум осыпающейся береговой гальки, и, взглянув в том направлении, он отчётливо увидел на фоне серого каменистого берега движущуюся фигуру большого белого медведя. Зверь медленно брёл по берегу вдоль ледяной кромки моря, привычно покачивая головой. Умка был довольно далеко, но охотник хорошо знал его острое чутьё, понимая, что только утренняя тишина и отсутствие ветра скрывают от зверя присутствие человека. Охотник также знал, что белые медведи занимаются охотой, как правило, в утренние или вечерние часы. Он ещё знал, что Умка — самец, который обычно не спит в течение долгой полярной ночи, что он голоден, а его самка либо спит, либо ухаживает в это время за новорождённым медвежонком где-то неподалёку в снежной берлоге. Появление большого Умки ничуть не смутило охотника, ведь зверь наверняка долго ничего не ел, и для него сейчас самое время утолить голод.

Вулькинэ старался вспомнить рассказы береговых охотников, которые часто встречаются с белыми медведями. Уже стало обычаем, когда голодные звери часто весной забредают в чукотские стойбища или посёлки в поисках пищевых отходов. Он слышал и о том, что многие полярники открыто регулярно подкармливают белых медведей. Однажды он очень удивлялся, когда, побывав на полярной станции Валькаркай, увидел белого медвежонка, свободно гуляющего между домиками посёлка. Береговые эскимосы и чукчи лучше знают повадки белых медведей. Так в далёком прошлом белые медведи тоже были в некоторых случаях предметами охоты. Но этим больше занимались люди, относящиеся к медвежьему роду. Например, в таких стойбищах разрешалось убивать только убегающих от человека зверей. Таким образом тундровики старались уберечь людей и собак от сильного и голодного хищника.

При охоте на медведя в те времена использовалось специальное острое копьё с костяным наконечником. Причём действия охотника должны быть быстрые и ловкие. От того, куда были нанесены раны и в какую сторону падал зверь, зависели дальнейшие древние ритуалы. Люди глубоко верили, что в убитом животном обитал дух умершего ранее

родственника или человека из другого клана. Охотникам и окружающим их людям строго запрещалось выражать радость победы над зверем. При разделке туши убитого зверя обязательно собирались кусочки разных внутренних органов, которые предназначались в знак благодарности для еды духам и воронам. Тушу медведя увозили в стойбище на нартах, оставляя на земле только печень — она непригодна человеку в пищу.

В других кланах чукчей-тундровиков существовал закон, по которому разрешалось одного убивать белого медведя за два года. Этим правом мог воспользоваться только охотник, достигший двадцатипятилетнего возраста и только после создания им семьи и рождения детей, которым в момент охоты уже исполнилось пять-шесть лет. Помимо всего этого, учитывались и другие причины, такие как наличие стариков, больных родственников в семье, беременных женщин и новорождённых детей. Эти сложные и нередко очень противоречивые поверья северных народов на охоту на белого полярного мишку можно объяснить скорее всего тем, что эти люди тысячелетиями жили довольно разобщённо на такой громадной территории Арктики.

Вулькинэ уже был подростком, но в его памяти сохранился другой важный древний ритуал — захоронение черепа убитого белого медведя. Обычно на третий день после охоты в их стойбище съезжались родственники и ближайшие соседи. После обильной еды и долгого ритуального чаепития все взрослые и подростки отправлялись в тундру. Маленьких детей всячески ограждали от этого ритуала. Перед отъездом их привязывали к ярангам во избежание переселения духов в их тела. Они оставались под охраной собак. Череп медведя везли на отдельных нартах, запряжённых одним белым оленем, которого впоследствии забивали. Этот ритуал проводился для того, чтобы отрезать путь переселения духа медведя обратно к людям в стойбище. Чукчи строго верят, что духу требуется не менее трёх лет для этого. Поэтому они никогда не забывают угощать духов кусочками мяса и жира, оставляя это угощение недалеко от своего жилища.

Вулькинэ знал, что белый Умка редко сам нападает на человека, однако человеку всегда нужно держаться от него

подальше. Так, при неожиданной встрече нельзя убегать и поворачиваться к зверю спиной, нельзя проявлять чувство страха. А если уж решиться стрелять, то только непременно целиться в голову, иначе даже раненый зверь может легко убить человека одним взмахом лапы. Северные люди хорошо понимали, что белый медведь такой же законный житель этой холодной северной земли, как и они. Он обитает и бродит сотнями лет по обширной территории Арктики, являясь её неоспоримым хозяином.

Несмотря на долгую и суровую полярную зиму, белые медведи не все впадают в зимнюю спячку. В снежных берелогах спят и зимуют только беременные самки. В этот период они рожают, кормят и ухаживают за своими детёнышами. В течение трёх-четырёх зимних месяцев они могут обходиться без воды и еды. В это время у них также совершенно нет потребности в дефекации и мочеиспускании. Конечно, Вулькинэ хорошо понимал, что появившийся на берегу Умка умнее и намного сильнее его, что человеку нужно полностью подчиниться желаниям и намерениям этого большого зверя. Он также твёрдо верил, что добрые духи, присутствующие рядом, покровительствуют зверю и человеку.

Ночь и густая темнота быстро опустились на землю и море. Охотник знал, что Умка залёг где-то в ледяных тородах в ожидании рассвета. Глубокое чёрное небо и яркие мерцающие звёзды навевали душевный покой и подогрели нетерпеливое желание охотника дожидаться завтрашнего дня, снова взглянуть на море, где могли произойти необходимые для удачной охоты изменения. Его многолетний опыт подсказывал ему, что лёд уже ослабел, а морская вода постепенно сбрасывает с себя ледяные зимние оковы. В такое время тюлени выходят на поверхность льда, чтобы подышать и осмотреться в ожидании солнечного света.

С этими мыслями охотник залез в свой спальный кукуль и сразу крепко заснул. Проснувшись утром следующего дня, он быстро вышел из своего убежища. Воздух был заметно теплее, но ветра по-прежнему не было. меховая кухлянка на его коричневой груди была распахнута, жёсткие чёрные волосы были мокрые от ночной росы. Он отпил холодной воды из фляги и положил в рот холодный мясной

колобок. Такие вкусные и питательные колобки готовила его старшая дочь Наташа Гиунеут. Она своими молодыми крепкими зубами перетирала оленье мясо, складывая его в деревянное корытце, перемешивала с оленьими мозгами и закатывала из этой серой массы вкусные колобки. После этого она выставляла корытце на мороз, и колобки становились готовыми к употреблению. Позавтракав таким образом, охотник набросил на себя белую камлейку и, подхватив правой рукой карабин, стал медленно и осторожно спускаться к морю.

Далёкий горизонт уже начал заметно светлеть, и сейчас безошибочно можно было видеть, где вскоре должен появиться краешек солнца. Внимательно осматривая прибрежный лёд, Вулькинэ увидел недалеко небольшие полыньи чистой воды и понял, что белый большой Умка находится где-то поблизости. Вскоре он выбрал между торосами небольшую лунку, неслышно, осторожно ступая, приблизился к ней и удобно залёг рядом за невысоким торосом. Прошёл год со времени его прошлогодней охоты, но он хорошо помнил, что ждать нерпу тогда пришлось совсем мало времени. Тогда из лунки внезапно показались сразу две нерпичьи головы, что было большой редкостью. Звери быстро тяжело отдышались и, конечно, сразу увидели охотника. Это несколько не испугало их. А вот глаза у нерп были такие блестящие, грустные и загадочные. Они могли бы, невольно подумал человек, много рассказать о других мирах, морских глубинах, о своих сородичах, о рыбах и далёких северных берегах. Вот и Вулькинэ, глядя на нерп, стало почему-то грустно. Он совсем забыл о лежащем рядом оружии. А нерпы, хорошо отдышавшись, также неожиданно, как и появились, быстро погрузились в воду, безнадёжно взмахнув хвостами на прощание. Об этом случае Вулькинэ никогда никому не рассказывал, твёрдо веря, что так распорядились обитающие вокруг добрые духи. После этого ожидание было довольно долгим. Однако в тот день охотник добыл двух больших нерп и с удовлетворением возвратился домой в родное стойбище.

Вот и сегодня также неожиданно появилась из воды сначала голова нерпы, а затем, оглядевшись, она сама спокойно выползла на лёд. Вулькинэ хорошо слышал её сип-

лое дыхание. Нерпа попыталась сразу же приподняться на передних лапах, чтобы осмотреться. Но меткий выстрел охотника моментально обездвижил её. Вулькине по опыту знал, что такая лунка обычно принадлежит не одной, а возможно, целому семейству животных. Поэтому он подполз к лунке ещё ближе и замер в ожидании. Теперь он опять, не отрывая взгляда, следил за поверхностью воды. Оружие удобно лежало рядом. Как и вчера, со стороны тундры доносились прерывистые крики журавлей. Их голоса — зазывные звуки умных птиц, недавних пришельцев, которые заботливо сооружают в тундре свои семейные гнездовья. Голоса этих птиц всегда обещают человеку удачу и являются убедительной вестью о скором приходе полярного лета.

Память Вулькине хранила множество рассказов его умершего дедушки и отца о чукотских верованиях и старых обрядах. Чукотская северная тундра, говорили они, всегда благосклонна к своим обитателям — людям, животным и птицам. Она их кормит, оберегает и часто радуется. Как человек кочует по тундре с оленями, так и птицы прилетают на Север весной из далёких краёв, чтобы найти хороший корм в виде многочисленных насекомых, северных ягод, а также безопасных мест для гнездовий. Белый журавль-смерх прилетает на Север одним из первых. Это священная птица для всех северных народов, а встреча с ней всегда обещает удачу и благополучие. Природа, между тем, сурова для них. Когда из двух яиц, которые откладывает самка, вылупляются два птенца, между ними сразу же начинается отчаянная борьба. Как правило, в результате выживает только один. Таков естественный отбор, ибо больше родителям не прокормить.

В это время в тундре можно часто встретить одиноких песцов. У них уже началась линька, они быстро сбрасывают свой зимний белый меховой наряд, становятся серыми и перестают с этого времени бояться человека.

Мысль Вулькине внезапно прервалась. Он вдруг почувствовал и в тот же миг услышал чьё-то тяжёлое громкое сиплое дыхание и резкий звериный запах. Чуть приподняв голову, он увидел большого белого Умку. Зверь стоял на противоположной стороне лунки совсем близко, привычно покачивая своей огромной головой, и пристально

смотрел на лежащего на льду человека. Вулькинэ лежал неподвижно, вжавшись в лёд, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Он сразу осознал, что его положение на животе самое что ни есть уязвимое. А лежащий рядом карабин оказался ненужным и лишним, потому что он помнил рассказы охотников о том, что взрослые белые медведи хорошо знают, какую опасность таит этот предмет в руках человека. Однако внезапно Умка шумно опустился на передние лапы, произнёс короткий глухой рык, вслед за этим подхватил зубами и левой лапой мёртвую нерпу и в одно мгновение скрылся за высоким ледяным торосом.

Вскочив на ноги, Вулькинэ увидел, как медведь быстро, преодолев ледяной береговой припай, стал теперь уже медленно подниматься со своей добычей по береговому каменистому склону. Охотник ещё долго с широкой улыбкой провожал уходящего зверя, радуясь присутствию рядом с ним добрых духов.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

Jewish Roots in Ukraine and Moldova. The Miriam Weiner Routes to Roots Foundation, Inc & YIVO Institute for Jewish Research, 1999.

Євреї України. Краткий очерк історії. — Київ : Изд-во Українсько-фінського інститута менеджмента і бізнеса, 1992.

Сиди Таль і Фалік. — Львів, 2002.

Чернівці — Берлін — Світи... Історія родини Іппенів / Ю. В. Ковтун, Л. І. Щербанюк. — Чернівці: Друк Арт, 2021.

Шаламов Варлам. Несколько моих жизней. — 2009.

Так уж сложилась судьба автора книги, Семёна Ицкова, что в молодые годы после окончания медицинского института он попал на работу в далёкую, многим неизвестную окраину СССР — Чукотку. Прошло много лет, и у С. Ицкова возникло искреннее желание поделиться своими воспоминаниями о жизни и работе в суровых условиях Севера, рассказать об интересных встречах с его коренными обитателями, а также с полярниками, геологами, охотниками.

Книга, которую вы держите в руках, задумывалась как небольшой рассказ, первоначально опубликованный в русскоязычной газете Флориды, как воспоминания молодости, желание ещё раз окунуться в атмосферу прошлого, вспомнить далёкое и необычайно интересное путешествие на Крайний Север. Но в процессе работы над рассказом автору захотелось внимательно разобраться в правдивых деталях, событиях, фактах, снова услышать воспоминания людей, чья судьба тесно и нередко трагически была связана с этой далёкой окраиной земли.

В книге есть всё: и знакомство с полярным климатом, и рассказ об удивительных малочисленных жителях Севера — чукчах и эскимосах, об их самобытной культуре, вековых традициях, о прошлой и сегодняшней жизни, уникальном семейном быте, об интересных верованиях, и пересказ удивительных трогательных легенд. Вы услышите их голос, прикоснётесь к их памяти, почувствуете их горячее сердце, поймёте их молчание.

На этих страницах также освещается история Колымских тюремно-каторжных лагерей Сибири и Чукотки — трагическая тема, которую никак невозможно обойти, а тем более забыть. Всепожирающий вал беззакония и вседозволенности, жестокости, лжи и бесправия, его многомиллионные человеческие жертвы поистине взывают к памяти не только тех, ныне живёт в России, но и тех, кто в разные годы навсегда покинул её. Эта книга о героических людях, мучениках родной страны, и многих тысячах иностранцев, которые также стали жертвами тоталитаризма и его кровавого катка репрессий, лагерных пыток и расстрелов.